

ОТКЛИКИ ЛЕРМОНТОВА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЫТИЯ 1820—1830-х ГОДОВ

I. «ВЕСЕЛЫЙ ЧАС». II. «10 ИЮЛЯ (1830)». III. «ИЗ ПАТКУЛЯ».
IV. «О, ПОЛНО ИЗВИНЯТЬ РАЗВРАТ». V. «ТАМБОВСКАЯ КАЗНА-
ЧЕЙША». VI. «БЛАГОДАРНОСТЬ»

Статьи Б. Бухштаба, Э. Герштейн, Н. Любович и Э. Найдича

Стихотворения Лермонтова, представляющие собою отклики на события общественно-политической и литературной жизни 1820—1830-х годов, во многих случаях не расшифрованы совсем или же расшифрованы совершенно неверно.

Авторы публикуемых статей имели целью раскрыть конкретный политический смысл некоторых произведений Лермонтова и тем самым расширить наши представления о пути идейного и литературного развития поэта.

Р е д а к ц и я

I. «ВЕСЕЛЫЙ ЧАС»

Это стихотворение до сих пор не привлекалось для характеристики раннего творчества Лермонтова. А между тем оно представляет несомненный интерес в плане развития творчества поэта этой поры¹.

Что натолкнуло Лермонтова на тему о веселом французском поэте, который «бранит» и «хвалит» кого хочет в стихах, написанных углем на стене тюремной камеры?

Таким толчком могло быть событие, ставшее известным Лермонтову, вероятно, в начале 1829 г. Это был судебный процесс и приговор по делу Беранже, осужденного на девятимесячное тюремное заключение, после выхода четвертого сборника его стихов, за оскорбление «общественной и религиозной морали» и «возбуждение ненависти и презрения» к правительству Карла X. Приговор был вынесен судом исправительной полиции 10 декабря 1828 г. и опубликован в парижских газетах вместе с речью прокурора и другими подробностями этого заседания на другой же день. В Петербурге о нем кратко сообщили «Северная пчела» 20 декабря и «Journal de St. Pétersbourg» 18 и 27 декабря (ст. ст.). В Москве приговор, очевидно, стал известен несколько позже, через неделю, а то и через десять дней.

Этот процесс, как и первый, 1821 г., вызвал значительный рост популярности Беранже, которого Белинский впоследствии назвал «великим и истинным поэтом современной Франции»². «Знаете ли вы, что в кафе на площадях, — всюду моим процессом интересуются больше, чем Пруссией, Россией и Турцией?» — писал Беранже в то время одному из своих

друзей³. Судебное заседание происходило при огромном наплыве публики. В «Journal de St. Pétersbourg» сообщалось, что огромная толпа осаждала двери суда. В автобиографии поэт рассказал о том, что в день оглашения приговора все его песни, подвергшиеся осуждению, были опубликованы в вечерних газетах. «В результате в провинциальных изданиях и за границей получило распространение за какие-нибудь две недели несколько миллионов экземпляров песен, и как раз тех, которые хотело убить запрещение»⁴.

Тюремная камера Беранже, как и во время первого заключения, была местом паломничества не только друзей и знакомых поэта, но и вообще всех желавших выразить ему свое сочувствие и солидарность. Здесь впервые представились ему Виктор Гюго, Сент-Бев, Александр Дюма. Беранже записал 350 человек в свой список посетителей, но считал его неполным. Поэты и песенники Франции воспевали Беранже и адресовали ему стихотворения, посвященные его пребыванию в тюрьме.

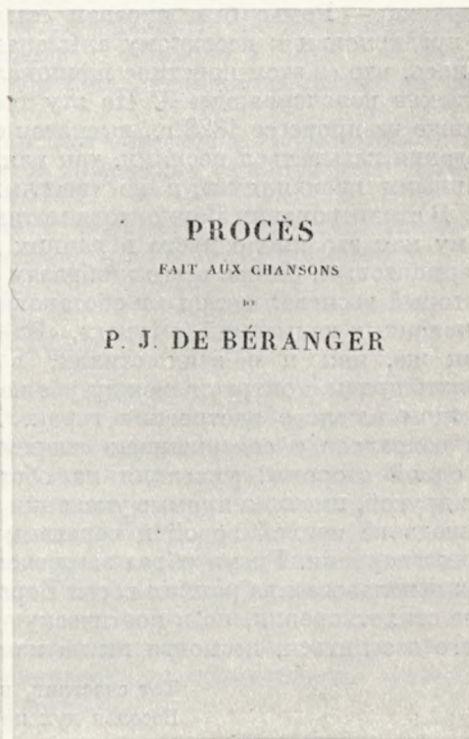
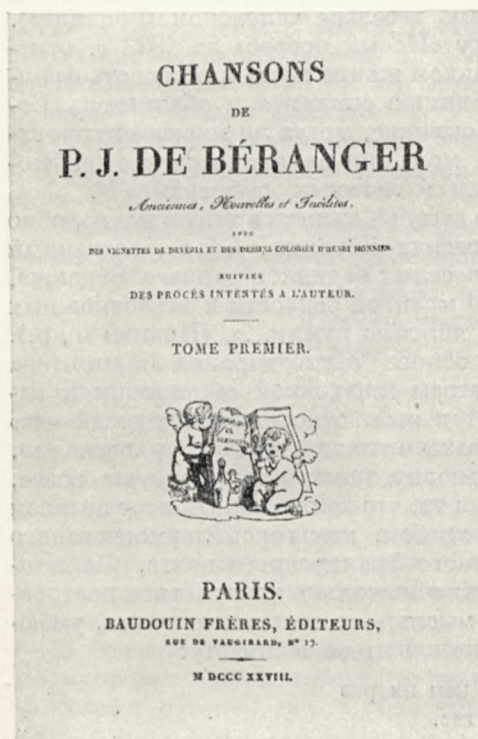
Весть о таком широко известном, шумном событии не могла не обсуждаться в общественных и литературных кругах Москвы. Имя Беранже было уже знакомо в России двадцатых годов. «Московский телеграф» поместил в 1828 г. «Отрывок из письма из Парижа» Я. Т<олстого> со следующими словами: «Лучшие нынешние поэты, как вам неизвестно, суть Казимир Делявинь, Ламартин и Беранже»⁵. В России были известны и сборники его стихотворений и ежегодные альманахи французских песен, в которых печатался Беранже. Некоторые из них рецензировались в русских журналах, как например, «Новый погреб» и «Ужины Мома» на 1828 г. В рецензии на эти альманахи Беранже был назван в числе поэтов Франции, «имена коих делают фортуна альманаху»⁶.

Горячим пропагандистом поэзии Беранже в России был П. А. Вяземский. Его письма к А. И. Тургеневу свидетельствуют не только о его большом интересе к творчеству французского поэта, но также о стремлении заинтересовать им других, например, молодого Пушкина⁷. Принимая одно время активное участие в «Московском телеграфе», Вяземский не раз использовал его страницы для популяризации имени Беранже. В одной из статей конца 1826 г. он писал, в частности, о заключенном в тюрьму французском «песельнике», слагающем стихи «под затворами тюремными». Статью эту, в целях большей живости впечатления, автор назвал «Письмом из Парижа»⁸. В этом «Письме» Беранже рассматривался как представитель поэзии, которая «делает политику». Вяземский относился положительно к такому «сродству» политики и литературы, и его развернутая характеристика творчества Беранже проникнута большой симпатией и глубоким пониманием произведений французского поэта, хотя он и вынужден был отказаться от рассмотрения его песен «в отношении политическом, которое до нас не касается». Многозначительное многоточие заканчивало фразу Вяземского: «в куплетах сатирических он Ювеналовыми стрелами клеймит своих противников...». Вместе с тем, Вяземский подчеркнул, что Беранже не только «клеямит», но и прославляет: «В своих патристических песнях он от шуток вдруг взлетает до высшей степени отваги и лиризма», «думая писать простые песни, пишет оды возвышенные». Говоря о том, что Беранже иногда «заходит в тюрьму Святой Пелагеи и там постится за нескромности музы, не во-время откровенной», — Вяземский прибавлял: «Но, впрочем, он и там живет припеваючи и многие из песен его, писанных под затворами тюремными, так же свободны и милы, как и прежние».

Строки Вяземского настолько близки к содержанию стихотворения Лермонтова, что вполне возможно допустить знакомство молодого поэта со статьей «Московского телеграфа». Очень может быть, что не прошла мимо его внимания и небольшая заметка Вяземского, напечатанная в 1827 г.

Автор говорил в ней о том, что традиционная французская «веселость» уже «начинает морщиться», так как куплеты и эпиграммы, бывшие в старой Франции «единственными орудиями оппозиции, то есть публики», уступают место иным поэтическим формам. Но на этом фоне автор выделял Беранже как единственного представителя «веселости» среди признанных поэтов Франции: «Один Беранже в песнях своих держится повадок водевиля»⁹.

Таким образом, обе статьи Вяземского давали материал для характеристики личности и творчества Беранже. Но даже и в том случае, если поэт не читал их, он мог составить собственное мнение на основании чтения самих песен Беранже и материалов о его процессах.

ПЕСНИ БЕРАНЖЕ. ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ 1828 г.

В приложении к этой книге были помещены отчеты о судебных процессах, возбуждавшихся против Беранже за его свободолобивые песни

Под впечатлением вести об осуждении французского поэта Лермонтов мог вспомнить или перечитать его стихи, а среди них и те, которые Беранже создал в тюрьме, во время первого заключения, после выхода сборника песен 1821 г. К этим стихам Беранже делал специальные приписки, свидетельствующие о том, что они были созданы во время заключения; эти приписки воспроизводились в издании произведений поэта. Беранже написал в тюрьме песни: «Свобода», «Друзьям-охотникам», «Мое исцеление», «Предательский напиток», «Мой карнавал», «Тень Анакреона», «Эпитафия моей музе». Тон этого «тюремного» цикла стихов шутивно-жизнерадостный, вполне соответствующий строчкам из автобиографии поэта: «Я очень весело провел трехмесячное заключение в Сент-Пелажи»¹⁰. В них — обычная для раннего Беранже страстная апология наслаждения, веселья, свободы и славы отечества. Поэт то и дело обращается в них к своим

многочисленным друзьям, скрасившим его заключение. По выходе из тюрьмы, в годовщину произнесения приговора (8 декабря 1822 г.), он пропел друзьям песню «Дружба», в которой благодарил их за то, что они не забыли его в темнице.

Очевидно, что эти песни и подсказали Лермонтову тему его стихотворения, которое, отнюдь не повторяя ни одной из них, дает обобщенный образ веселого французского певца. Быть может, Лермонтову было известно, что в тюрьме Сент-Пелажи побывал не только Беранже, но и другие известные песельники Франции, и Лермонтов стремился, таким образом, создать обобщенный образ французского поэта.

Веселость всегда считалась основной особенностью творчества французских песельников (один из второстепенных песельников, последователей Беранже, — Ромье был прозван «самым веселым человеком Франции»). В предисловии к песенному альманаху «Новый погреб» на 1822 г. отмечалось, что «в этом поистине национальном жанре музыки и веселость французские неисчерпаемы»¹¹. На эту традицию ссылался и обвинитель Беранже на процессе 1828 г., высказав сомнение, могут ли многие его произведения называться песнями, так как, мол, они являются скорее «рифмованными пасквилями», а не «веселыми и легкими рефренами»¹².

В стихотворении Лермонтова мотив веселья является ведущим, подобно тому как это имело место в ранних песнях Беранже. Образ, созданный Лермонтовым, ближе всего к образам веселых бедняков раннего Беранже, который воспевал веселье в обстановке крайней бедности и всевозможных жизненных испытаний («Чудак», «Как яблочко румян...», «Нищие» и др.). Так же, как и в этих стихах, в основе стихотворения Лермонтова лежит прием контраста между убожеством жизненной обстановки и избытком веселого настроения героя. И в этом отношении «Веселый час» не совпадает с содержанием «тюремных» стихов самого Беранже, где, с одной стороны, указания на обстановку камеры отсутствуют вовсе, а с другой, имеются прямые указания на то, что заключенный поэт питался отнюдь не гнилой водой и черствым хлебом, как герой лермонтовского стихотворения. Рисуя образ заключенного французского поэта, Лермонтов использовал из ранних песен Беранже не только контрастное построение стихотворения, но и поэтическую мысль, — о счастье человека, умеющего веселиться, несмотря ни на какие невзгоды и нищету:

Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час! (I, 10)

Таким образом, Лермонтов переносит созданный Беранже образ веселого бедняка в тюремную обстановку и дополняет его рядом штрихов, напоминающих тюремные стихи самого французского поэта: таковы обращения к друзьям, пирующим в отсутствие заключенного (ср. стихотворение Беранже «Мой карнавал»), или намек на то, что дружба надежнее любви, когда человек оказывается за тюремной решеткой, «кляня любовь былую» (ср. стихотворение Беранже «Дружба»).

Не раскрывая политического содержания творчества заключенного поэта, Лермонтов делает общее указание на самый факт создания им стихов в тюрьме и на их свободный характер, как в обличении, так и в воспевании:

Браню, кого придется,
Хвалю, кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удается!

Эти строки очень близки по духу таким песням Беранже, как «Цензура» и «Новый Диоген», прославляющим смех и свободное слово.

Многозначительные четыре строчки точек — намек на цензурные изъятия — придают остроту всему тексту стихотворения:

.....

.....

Тогда я припеваю

.....

.....

«Тот счастлив, в ком ни раз... и т. д.

О том, что в представлении современников образ Беранже ассоциировался с тюремной камерой, с тюремной решеткой, наглядно свидетельствует портрет поэта работы А. Шеффера, с которого в 1828 г. К. Кузеном была сделана гравюра. На этом портрете Беранже изображен на фоне тюремной стены и решетки¹³.

Не исключена возможность, что он был известен и Лермонтову, и дополнил его впечатления о личности и творчестве французского песельника.

Упоминание о тюремной решетке в первых же строчках стихотворения Лермонтова может быть подсказано именно этим портретом:

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?

Факт обращения Лермонтова к теме «Веселого часа» безусловно заслуживает внимания. Он свидетельствует о том, что реальная общественная жизнь уже в этот момент подсказывала ему произведения, выходящие далеко за пределы узко-личных лирических тем и настроений, и приводила его к представлению о поэте, далекому от того, которое нашло отражение в его раннем стихотворении «Поэт». Стихотворение «Веселый час» — первое произведение (если придерживаться последовательности, в которой поэт расположил стихи в тетради 1829 г.), имеющее политическое звучание.

В создании этого стихотворения сказалась характерная черта юноши-Лермонтова: живой интерес к современности, к общественной жизни, — не только русской, но и общеевропейской.

Н. Люб ов и ч

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Комментарий к Полн. собр. соч. Лермонтова, т. I, М., 1936, стр. 423. — В последнем издании сочинений Лермонтова (1947) это стихотворение оставлено без комментария.

² В. Белинский. Собр. соч., т. I, М., 1948, стр. 243.

³ П.-Ж. Беранже. Полн. собр. песен, т. II, М.—Л., 1936, стр. 542—543.

⁴ П.-Ж. Беранже. Избранные песни. М., 1950, стр. 459.

⁵ «Московский телеграф», 1828, № 5, стр. 113.

⁶ Там же, 1829, № 1, стр. 84—85.

⁷ См., напр., «Остафьевский архив», СПб., 1899, т. I, стр. 149 и 159.

⁸ «Московский телеграф», 1826, ч. XII, стр. 63—64; П. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1878, стр. 230—231. — В «Московском телеграфе» статья была напечатана анонимно.

⁹ «Московский телеграф», 1827, ч. XIV, стр. 42—43; П. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 286—287. — В «Московском телеграфе» заметка напечатана за подписью: «Журнальный сыщик».

¹⁰ П.-Ж. Беранже. Избранные песни, стр. 457.

¹¹ «Le Nouveau Caveau pour 1822», p. I.

¹² «Le Moniteur universel», 1828, от 11 декабря.

¹³ «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 675.